

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

БОЛЬ – МОЙ ДРУГ.

ВЫСШАЯ

ТЕРПЕНИЕ...

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ИСКУССТВО ХИЩНИКА.

ОХОТНИК НА ЛЮДЕЙ



ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ **AMAZON.COM**

Высшая лига детектива. Романы Лорет Энн Уайт

Лорет Энн Уайт

Охотник на людей

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Уайт Л.

Охотник на людей / Л. Уайт — «Эксмо», 2008 — (Высшая лига детектива. Романы Лорет Энн Уайт)

ISBN 978-5-04-189194-7

ФИНАЛИСТ RITA, САМОЙ ЗНАЧИМОЙ ПРЕМИИ ЗА ВКЛАД В РОМАНТИЧЕСКУЮ И ДЕТЕКТИВНУЮ ПРОЗУ. В некоторые места лучше не возвращаться. Даже если это твои собственные мысли... Сержант Габриэль Карузо прибывает в отдаленную деревушку в глуши Юкона с одним намерением – стереть все воспоминания о серийном убийце, который разрушил его жизнь. Но, кажется, безумец идет за ним по пятам и охотится за всем, что дорого его сердцу. В том числе и за местным следопытом Сильвер Карвонен. Задача Габриэля и Сильвер – остановить хищника во что бы то ни стало. Их ничего не должно отвлекать. Но даже ледяная тундра не может потушить пожар, вспыхнувший между ними. Теперь для Сильвер и Гейба любовь – вопрос жизни и смерти. Динамичный остросюжетный роман, действия которого разворачиваются в забытой деревушке Юкона. Любовь во время опасной погони за маньяком... От автора международных бестселлеров Лорет Энн Уайт. «Лорет Энн Уайт задала жанру высокую планку!» – Дебра Уэбб, автор бестселлеров USA Today «Леденящий душу романтический триллер...» – The Amazon Book Review

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-189194-7

© Уайт Л., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

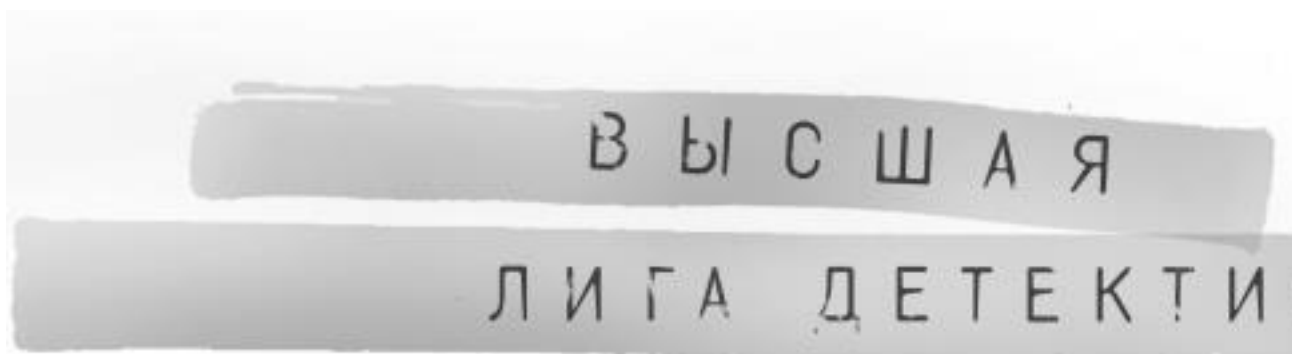
Лорет Энн Уайт

Охотник на людей

Посвящается Мэри Дж. Форбс и помощнику комиссара Королевской канадской конной полиции Гэри Форбсу за помощь в поисках души моего героя – «маунти»¹.

Меретте Патер и капралу ВВС Канады Клинтю Патеру, моим верным северным друзьям.

И, как всегда, моему редактору Сьюзан Литман.



Loreth Anne White

WILD COUNTRY Book 1

MANHUNTER © 2008 by Loreth Beswetherick

All rights reserved, including the right of reproduction in whole, or in part in any form.

This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination, or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales are entirely coincidental.

Перевод с английского Александра Бушуева



© Бушуев А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дорогие читатели!

Север привлекает людей, свободных духом и непохожих на других. Этот дикий край, этот последний рубеж – суровое и прекрасное место, где температура может опускаться до –58°

по Фаренгейту, где местным жителям приходится подолгу жить без солнечного света, ощущая оторванность от цивилизации, неведомую большинству из нас.

Тех, кто не родился на Севере, земли, расположенные выше 60-й параллели, часто манят к себе ради поисков чего-то особенного – золота, серебра, духовных смыслов. Приключений.

Есть и те, кто сюда убегает, – люди, гонимые неладами с законом, прошлыми ошибками, желающие забыть былые неудачные отношения.

Но хотя территория эта обширна, спрятаться в ней непросто. Неприветливая местность сближает людей, неожиданно делая их союзниками, а круг общения на самом деле узок. Ошибки могут стать смертельно опасными, а одиночество заставляет людей заглянуть в себя, копнуть глубже и понять свой истинный характер. Север создает полнокровных персонажей, невероятные приключения... а меня это вдохновляет на романтическую любовь.

Надеюсь, вам понравится первая книга в моей серии «Дикая местность», рассказывающей об этой необъятной территории и ее людях.

Лорет Энн Уайт

Пролог

Голый, как в день своего рождения, вымазанный с ног до головы аспидно-серой речной грязью, он полз вверх по склону, огибая хижину. Он старался не вставать, чтобы его не заметили снизу, если вдруг вспыхнет молния. Ночь была темной и злой. Дождь хлестал почти горизонтально, ветер срывал ветки и швырял их на лесную почву. Реки разбухли и размывали берега.

Он знал: собаки не заставят себя ждать. Ведь за ним тянулся густой кровавый след. Впрочем, сегодня погода благоприятствовала ему. Судорожно дыша, он распластался на мокром суглинке, рассматривая маленькую хижину, находившуюся на поляне внизу. Белки глаз резко выделялись на фоне грязи, покрывавшей его тело.

Небо вспорола вспышка молнии. На мгновение тьма раскололась, открыв взору монохромный снимок бурлящей реки за хижинкой. Гигантские бревна яростно крутились в воде среди болтавшихся на ее поверхности обломков веток. В следующее мгновение картинка пропала. Подождя секунду, чтобы глаза вновь привыкли к темноте, он на четвереньках медленно пополз к хижине, подбираясь к стене без окон.

Дождь заливал ему глаза, кровь продолжала сочиться из огнестрельной раны на левом бедре. «Боль – мой друг», – сказал он себе. Как и адреналин. Двенадцать месяцев, проведенных за решеткой, могли притупить его силу и ловкость, но не стали его разума. Он научился этому, побывав в плену. В свое время его обучали военные из спецназа США.

Он овладел искусством боя. Слежки. Запутывания следов. Инfiltrации. Пыток. Он был машиной для убийств. Охотником на людей.

Он медленно обошел хижину, заглянул в окно. Ему нужна одежда. Снаряжение. Игла. Нить. Дезинфицирующее средство.

Затем нужно создать впечатление, будто он утонул в этой реке, когда направлялся на юг, к американо-канадской границе.

Но на самом деле он шел на север, к Юкону. Его целью был небольшой городок Блэк-Эрроу-Фоллз, куда по служебной надобности отправили Габриэля Карузо, полицейского, посадившего его за решетку. Он отомстит этому «маунти». «Игра еще не закончена, Карузо, – сказал он себе. – Это еще не конец, пока один из нас не умрет».

Он нашел в траве обломок ржавого лома.

Пригнувшись и бросившись к входной двери, он быстро сунул ломик между замком и дверью. Один резкий рывок, и замок вместе со щепками откололся от дверного косяка. Он замер. Прислушался. Сжимая в руке ломик, он вошел в темную хижину. Настоящая охота только начиналась.

Глава 1

Блэк-Эрроу-Фоллз

Северный Юкон

Население 389 человек

Сильвер Карвонен закинула за спину охотничье ружье и загрузила в кузов своего красного грузовика мешок с кормом. Возле ее ног слонялись три пса, все трое помесь хаски и волка. Мешок приземлился с глухим стуком, подняв облачко мелкой серой ледяной пыли.

Днем было сухо и жарко. Листья стали ломкими и золотистыми, кусты благоухали ароматами поздней осени, в воздухе висели белые пушинки кипрея, гонимые горячим слеполюдным ветром, словно летний снег.

Вытерев тыльной стороной запястья пот со лба, Сильвер вернулась в тень ангара на взлетно-посадочной полосе за очередной порцией груза. Хотя ночь принесла на высокие гранитные вершины свежий снег, сентябрьский день был изнуряюще жарким. Впрочем, всего через несколько дней и на пыльные улицы Блэк-Эрроу-Фоллз выпадет снег. Он укроет маленький северный поселок своим белым одеялом на шесть месяцев долгой, темной, **суровой** зимы. Сильвер это было по душе. Она больше всего любила зиму.

На этом ее работа в охотничьем домике закончилась. Она была сама себе хозяйкой и могла бегать со своими собаками. Но сейчас она устала и нуждалась в горячем душе. Встав рано утром, когда трава еще была жесткой от ночного морозца, когда по следу было легко идти, она большую часть дня выслеживала крупную медведицу-гризли. Она отправилась на рассвете, взяв своих трех любимых собак, и старалась двигаться быстро, надеясь найти гризли еще до наступления темноты.

Сильвер наткнулась на медведицу в широкой долине, среди окрашенных по-осеннему в цвет ржавчины зарослей кустарника. Она могла спокойно наблюдать за ней с высоты горного хребта, с подветренной стороны от животного.

Всеядное животное было массивным и весило около пятисот фунтов, что близко к его максимальному весу перед залеганием в спячку. В солнечном свете блестела золотисто-бурая шерсть, под которой – пока животное рыскало по долине – играла мощная мускулатура.

Через неделю медведица начнет рыть берлогу, хорошо защищенную от зимних ветров. Она ляжет в нее через несколько дней, как почувствует в воздухе запах первых зимних бурь. Будем надеяться, что тогда ее проблемы закончатся.

На прошлой неделе эта медведица-гризли растерзала британского охотника. Еще не полностью укомплектованное бюро охраны природы наняло Сильвер выследить и застрелить ее.

Но, выследив медведицу и понаблюдав за нею в течение последних трех дней, Сильвер усомнилась в том, что она была хищной убийцей. Британская охотничья группа отстаивала одну версию, однако следы гризли повели Сильвер другую.

На основании улик, обнаруженных вокруг места нападения, Сильвер сделала вывод, что мужчины столкнулись с медведицей вскоре после того, как та была ранена в драке с агрессивным, взрослым самцом гризли, который только что убил ее годовалого детеныша.

Медведица отбивалась от более крупного самца, но при этом потеряла детеныша и лишилась когтя на левой передней лапе. С этого момента Сильвер стала называть ее «Сломанный Коготь» и, как всегда, почувствовала эмоциональную привязанность к существу, которое выслеживала.

Раненая, сильно напуганная медведица охраняла мертвое тело своего детеныша, когда на узкой тропе высоко на скалистом выступе ее напугали охотники. Она набросилась на них, попытавшись отогнать их. Охотники бросились бежать и тем самым спровоцировали погоню.

Гризли набросилась на последнего охотника. Тот избежал смерти лишь потому, что от силы ее удара покатился, словно тряпичная кукла, по склону узкого ущелья. Позднее его подобрал вертолет. Все это Сильвер узнала из отчета офицера департамента охраны природы. Притоптанные прогалины и следы, останки детеныша рассказали ей об остальном.

Тихо отступив от скалистого хребта со своими собаками, Сильвер решила сегодня днем не трогать медведицу. У нее не поднималась рука пристрелить осиротевшую мать лишь для удовлетворения ложной жажды мести. Все произошло так, как задумала природа. Дикое правосудие, как она это называла.

Сильвер понимала, что значит потерять детеныша из-за агрессивного самца. Она знала, как далеко может зайти мать ради того, чтобы устранить угрозу. И это не делало ее убийцей. Через несколько дней выпадут снега, и Сломанный Коготь будет мирно спать в своей берлоге.

Взяв из ангара еще мешок с фуражом для лошадей, она потащила его к своему грузовику, и когда забросила его в кузов, ее футболка была мокрая от пота. Нужно взять еще один мешок, и тогда она закончит с грузом, который авиакомпания «Эйр Норт» доставила для нее этим утром.

Услышав далекий гул самолета, она замерла и затем, взглянув в туманное небо, увидела, как между массивными заснеженными горными пиками промелькнул маленький двухмоторный самолет Королевской канадской конной полиции. «Новый полицейский», – подумала она, прикрывая ладонью глаза и наблюдая за тем, как самолет заходит на посадку, облетев вокруг ледника Армчейр, готовясь к крутому спуску в узкую долину в условиях преобладающего бокового ветра.

В их маленьком поселке все уже знали имя нового «маунти» – сержант Габриэль Карузо. Важный детектив из Британской Колумбии.

Это был первый случай, когда офицера Королевской канадской конной полиции в звании сержанта отправили в этот крошечный самоуправляемый поселок коренных народов – один из двух поселков Юкона, к которым не вели абсолютно никакие дороги. Все уже задавались вопросом, зачем понадобилось посылать сюда опытного полицейского из отдела расследования убийств? Ведь в Блэк-Эрроу-Фоллз никогда ничего не происходило, кроме разве что случайно забредшего в поселок воришки-лося, перевернутой снегоуборочной машины или домашней ссоры, спровоцированной контрабандным спиртным.

Гарри Питерс, вождь крошечного племени Черной Стрелы, в честь которого и был назван городок, объяснил местным жителям, что полиция увеличивает штат из трех человек до четырех по причине открытия нового медного рудника примерно в ста пятидесяти милях к югу отсюда. Следующим летом новый рудник проложит новую дорогу в поселок. А также увеличит число жителей.

«И принесет еще больше неприятностей», – подумала Сильвер.

Колеса самолета с резким стуком коснулись земли. Крылатая машина покатилась по травяной взлетно-посадочной полосе и, когда винты замерли, остановилась напротив грузовика.

Скрестив ноги и отбиваясь от облака назойливой черной мошкары, Сильвер откинулась на теплый капот грузовика и наблюдала, как полицейский выходит из самолета. Ей тотчас бросились в глаза его внушительный рост и крепкое телосложение. Ее пульс участился.

Полицейский на мгновение задержался на верхней ступеньке, вглядываясь в окрестности. Его темные волосы блестели на солнце. Затем, закинув на плечи свое снаряжение, он быстро спустился по трапу и уверенно направился к ангару, где стояла Сильвер. Она заметила, что он слегка прихрамывает на правую ногу, хотя и пытается это скрывать.

Что говорило о гордыне или, возможно, о тщеславии. Или же о нежелании признавать слабость или неудачу.

Новички всегда вызывают интерес. Сильвер беззастенчиво разглядывала его, читая язык его тела так же, как читала повадки обитателей дикой природы. И когда он приблизился, она сразу увидела: в этом *чечако*² было нечто особенное.

Что-то опасное.

Он являл собой классический образ полицейского: высокий и широкоплечий. Он шагал твердой уверенной походкой, спина прямая, подбородок гордо вскинут вверх. Но чувствовалась в нем также некая нервозность, которую были бессильны скрыть и аккуратные желтые лампасы его отутюженных форменных брюк, и надраенные до блеска ремень с кобурой на боку и сапоги.

Под аккуратной, с иголочки, формой был тот, кто не контролировал себя. Тот, у кого могут быть проблемы в отношениях с людьми. От такого жди неприятностей.

Выбирай она собаку для своей команды, она бы с подозрением отнеслась к животному с таким языком тела, как у него. Он не был похож на командного игрока. Он выглядел непредсказуемо.

Его звание и послужной список внезапно обрели ясность – Королевская конная полиция прислала поврежденный товар. Но есть ли лучший способ избавиться от проблемного полицейского, чем турнуть его в такое захолустье, как поселок Блэк-Эрроу-Фоллз, к югу от Полярного круга? К ее инстинктивному интересу к этому мужчине теперь примешивалась нотка раздражения и настороженности.

Сильвер имела малоприятный опыт общения с федеральными силовыми службами. Эти «маунти» подвели ее, когда она больше всего в них нуждалась. И у них была власть, и они могли посадить ее.

Когда он приблизился, она отвернулась, шепотом приказала собакам сидеть, а сама наклонилась, чтобы закинуть в грузовик последний мешок. Ее псы с опаской посмотрели на шагавшего к ним незнакомца.

– Помощь нужна? – Его голос заструился по ее разгоряченной коже, словно темный дикий мед. Сильвер замерла, пораженная ударными волнами, которые он посылал ее телу.

Вместо ответа она крепко ухватила мешок с фуражом, подняла его и сама забросила в грузовик. Затем с глухим стуком захлопнула задний борт и зафиксировала его, отчаянно пытаясь подавить потрескивающие в ее плоти разряды перед тем, как снова встретиться с ним лицом к лицу.

Наконец Сильвер повернулась и, вытерев ладони о джинсы, отбросила через плечо длинные черные волосы, собранные в тяжелый конский хвост.

– Привет! – сказала она, протягивая руку. Было невозможно прочитать выражение его глаз, спрятанных за зеркальными очками. – Вы, должно быть, сержант Карузо. Добро пожаловать в Блэк-Эрроу-Фоллз.

Он медленно приподнял очки и встретился с ней взглядом. Сердце Сильвер невольно сжалось. Она не ожидала таких глаз. Теплые, влажные, темно-карие, опущенные мягкими черными ресницами, от них веером расходились морщинки. То, как они врезались в его чуть грубоватое, но красивое лицо с кожей оливкового оттенка, говорило о чем-то, что было ей хорошо знакомо.

Этот человек прошел через боль. Хотя и притворялся, будто с ним все в порядке.

Он крепко пожал ей руку. Сильные пальцы сомкнулись вокруг ее пальцев, его кожа соприкоснулась с ее кожей. Пульс Сильвер участился.

Сержант Габриэль Карузо источал опасность – нет, не для Блэк-Эрроу-Фоллз, а для нее лично.

² Чечако – слово с Аляски и Тихоокеанского Северо-Запада, означающее что-то вроде «неженка» или «новичок». – Примеч. ред.

Сильвер не испытывала такой животной реакции на мужчину с тех пор, как пять лет назад жестокое нападение и изнасилование лишили ее всяких чувств. С тех пор она чувствовала себя опустошенной и уже начала думать, что больше никогда не сможет испытать физическое влечение к кому-либо. И по тому, как вспыхнули ее глаза, она поняла, что он тоже что-то почувствовал.

Внутри ее тихо шевельнулся страх.

Ей меньше всего на свете хотелось привлекать к себе полицейского. Особенно полицейского из отдела расследования убийств. Не с ее темным секретом. И не с файлами нераскрытых дел, спрятанными в ящиках шкафов в местном отделе полиции Блэк-Эрроу-Фоллз.

Она слишком ценила свободу.

– Мое имя Сильвер, – произнесла она. Внезапно слова превратились во рту в сухую пыль, а ею самой овладело безрассудное желание бежать. Внешне спокойная, она, однако, не сдвинулась с места. Бегство повлекло бы за собой погоню. Выдало бы ее слабость. Сильвер же меньше всего хотела показаться слабой.

Но еще меньше ей хотелось сделать что-то, что могло бы возбудить любопытство нового полицейского, что могло бы заставить его копаться в старых делах о нераскрытых убийствах.

Он скользнул по ней взглядом, отметив про себя винтовку, острый охотничий нож в ножнах на бедре, запыленные потертые ботинки, выцветшие рваные джинсы.

«Он как будто читал меня», – подумала Сильвер. Он оценивал ее так же, как она оценила его, изучая свое новое окружение, но внешне ничего не выдавая. От такого, как он, ничего не удержишь в секрете. Желание отстраниться усилилось, страх еще глубже проник в ее нутро – безотчетный, животный страх. Она ощущала себя преступницей, которую буквально прожигали насквозь пронизательные глаза полицейского.

Страх, пришедший с неожиданным пробуждением ее тела.

Держа ее руку в своей, Гейб нащупал вокруг ее тонкого запястья кожаный браслет, усыпанный маленькими разноцветными бусинами. Обручального кольца она не носила.

Он привык обращать внимание на кольца. Обручальные кольца. Он всегда невольно искал этот маленький символ верности на пальцах других женщин. Символ, который убийца у него отнял. Он вспомнил причины, приведшие его сюда, и у него защемило сердце.

Несмотря на свою худобу, она ответила на его рукопожатие удивительно крепко. Ладони у нее были мозолистые, не такие, как у женщин, которых он знал.

Даже руки Джии – трудолюбивые руки его невесты – были мягче. И все же в энергичной хватке Сильвер было нечто притягательное, пожалуй, некий вызов.

Она прямо, не моргнув, встретила его взгляд. В ее темно-синих глазах читался неприкрытый интерес, от которого по его спине побежали мурашки.

Пронзительная синева ее миндалевидных глаз резко выделялась на фоне кожи цвета жженой охры. Высокие, четко очерченные скулы были не менее экзотичны. Гладкие черные волосы забраны в хвост до талии, при движении они поблескивали на солнце, напоминая Гейбу переливчатые радуги, спрятанные в перьях ворона.

Гейб еще ни разу не видел женщину, похожую на Сильвер. И еще ни одна женщина ни разу не смотрела на него так пристально. Ее глаза пронзали его, как синие лазеры, словно она могла видеть насквозь его душу. Было в этом нечто интимное и одновременно провоцирующее. Он почувствовал, как в нем инстинктивно загудела энергия.

– Он уже в пути, – сказала она, высвобождая руку из его хватки и отступая назад. Ее голос был хриплым, низким. Ровным. Такой голос заставляет мужчину думать о виски и сексе, о вещах, о которых Гейб не думал уже давно.

– Простите? – рассеянно переспросил он.

Распахнув дверцу, Сильвер свистом приказала собакам запрыгнуть в кузов.

– Я сказала, что ваш констебль уже в пути. Он дождался приземления вашего самолета. Здесь у нас не принято торопиться. А вот и он... – Она дернула подбородком, указывая на столб серой пыли, вздымающийся над далекой тускло-зеленой рощицей деревьев за взлетно-посадочной полосой.

Гейб прищурился и разглядел белый внедорожник с яркими полосами и логотипом Королевской канадской конной полиции.

– Это, должно быть, Донован. – Сказав это, она забралась в грузовик и уместила под рулем свои невероятно длинные ноги в рваных джинсах.

Обеспокоенный собственной физической реакцией на эту необычную женщину и не желая, чтобы она это поняла, Гейб вновь надел солнцезащитные очки.

– Чаще всего он использует квадроциклы. – Сильвер захлопнула дверцу, высунула локоть в открытое окно и включила зажигание. – На этой машине далеко не уедешь в городе, где все дороги ведут в никуда. – Она на прощание бросила на него взгляд. Или это был вызов? – И надолго вас сюда прислали? Года на два? – поинтересовалась она, пытливо посмотрев на него.

Какое счастье, что он был в темных очках.

– Вы только что поприветствовали меня и уже ждете, что я отсюда уеду? – Она будет не первой, кто захочет увидеть его спину.

По ее губам скользнула усмешка.

– Все возвращаются туда, откуда прибыли, сержант. Скорее рано, чем поздно. В том числе полицейские. Большинство людей приезжает к северу от 60-й параллели в поисках чего-то. Ну, вы знаете – золота, серебра, бегства, свободы. Некоторые даже не знают, что им нужно. – Она включила двигатель грузовика. – Иногда они это находят. Иногда нет. Но, в конце концов, все они возвращаются домой.

Она улыбнулась: блеск невероятно белоснежных зубов на фоне смуглой кожи, странный блеск в глазах.

– За редким исключением.

С этими словами она нажала на газ, оставив его стоять в облаке пыли, сидевшие в кузове волкособаки возбужденно залаяли.

Гейб не мог избавиться от мысли, что эта женщина похожа на само это место: поразительно красивая и, на первый взгляд, открытая, но враждебная по отношению к тем, кто не готов жить по законам этого сурового края.

Она заставила его кровь бежать по жилам быстрее. И впервые за весь этот очень долгий год Гейб подумал, что, возможно, ему все-таки не хочется умирать.

Глава 2

Горечь Гейба вновь дала о себе знать, как только полицейский внедорожник остановился и из него навстречу новоприбывшему коллеге вышел молодой, нетерпеливый, улыбающийся констебль Марк Донован.

Протянув ему руку для рукопожатия, Гейб подумал о том, насколько он сам когда-то был похож на Донована: полный идеалистических представлений о светлом будущем, о том, что значит быть «маунти», поддерживать правопорядок, *le droit* по-французски, в этой огромной стране, сохранившей традиции 1800-х годов.

Подростком, выросшим в итальянском квартале Ванкувера, Гейб запоем читал героические рассказы о Северо-Западной конной полиции, отважно сражавшейся с американскими торговцами виски, контролирующими прерии. Затем последовала Клондайкская золотая лихорадка, когда орды золотоискателей бежали с Аляски по Чилкутской тропе в суровый, враждебный и неумолимый канадский Юкон. Перевал тогда охранял самый известный «маунти» Сэм Стил – Лев Юкона – в мундире из красной саржи, широкополом «стетсоне»³ и высоких коричневых сапогах.

Легенды о тех «маунти», охранявших великий Север, поддерживавших порядок и спасавших человеческие жизни, подпитывали юношеские мечты юного Габриэля Карузо, подталкивая его к решению стать полицейским.

«Иронично получить назначение на Юконскую землю теперь, после семнадцати лет службы в полицейском ведомстве, когда его карьера полицейского близилась к концу, а юношеская мечта была омрачена суровой действительностью», – подумал он,

Впрочем, работа в отделе по расследованию тяжких преступлений в маленьком проблемном городе способна сделать с вами и не такое. Но разочарованием его душу наполнил недавний случай.

Сдав два года назад экзамен на сержанта, Гейб получил повышение до сержанта оперативного отдела в Уильямс-Лейке, что находится во внутреннем районе Британской Колумбии. Вообще-то он предпочел бы остаться старшим следователем по тяжким преступлениям, однако согласился на эту административную работу, так как Джиа, женщина, с которой он хотел связать свою судьбу, получила назначение в отряд Уильямс-Лейк в качестве нового капрала.

Но кровавая стычка с Курцем Стайгером – серийным убийцей-психопатом, которого СМИ окрестили Лесовиком, – оборвала жизнь Джии вскоре после их помолвки.

И жизнь, какой ее знал Гейб, закончилась.

И вот теперь, год спустя, он здесь. Один-одинешенек. В северной глуши, в какую только можно отправить «маунти», накануне надвигающейся беспросветной зимы с ее 24-часовой тьмой, бесконечным снегом и безрадостным будущим. В его памяти всплыли слова Стайгера:

Я видел ее глаза, сержант. Я смотрел, как она подышает. Я был последним, кого она видела в этой жизни, и это было ни с чем не сравнимое удовольствие...

Гейб стиснул зубы, в голове зашумело.

Пожимая руку констеблю Доновану, он попытался напомнить себе, что силой его сюда никто не загонял. Он тут по собственному желанию, сам попросился в эту глухомань. Ему нужно было убраться подальше от назойливого внимания СМИ, подальше от семьи Джии, от своих родственников. Подальше от непосильного бремени вины.

Он прошел через сеансы по снятию посттравматического стресса с психотерапевтами ведомства и у частных специалистов, прошел через физиотерапию, судебные слушания, заты-

³ Шляпа, может быть фетровой, кожаной или соломенной, но у нее всегда высокая округлая тулья, вогнутая сверху, и широкие, подогнутые вверх по бокам поля. – *Примеч. ред.*

нувшееся внутреннее расследование. Каждое его действие было изучено вдоль и поперек, он ответил на массу вопросов. Сослуживцы стояли за него горой. Все говорили, что он сделал то, что на его месте сделал бы любой хороший полицейский.

Одна беда: сам Гейб так не думал.

Когда они не получили ответ на якобы рутинный звонок о беспорядках на ферме, располагавшейся на окраине Квонсета, ему следовало догадаться, что это могла быть ловушка. Поговаривали, что Лесовика якобы недавно видели в окрестностях города, и хотя отряд Уильямс-Лейка был приведен в боевую готовность, подобные утверждения не были чем-то необычным. Лесовик достиг почти мифического статуса. С момента первого совершенного им убийства местные жители постоянно видели его в далеких дебрях – от Саскатуна до Принс-Руперта.

Курц Стайгер, непревзойденный выживальщик и солдат спецназа США, обученный нетрадиционным методам ведения войны в тылу врага, почти три года скрывался от властей в канадском захолустье. Он перебрался туда после побега из США, где военный трибунал должен был судить его за гнусные военные преступления, совершенные на Ближнем Востоке и в странах Африки.

Он бежал на север, в канадские Скалистые горы, где вновь начал убивать и садистски пытаться своих жертв. Он жил ради азарта: отстреливал в лесу охотников, насиловал и терроризировал туристов, вламывался в отдаленные коттеджи и кормился от земли.

Были вызваны военные, но люди в поселках жили в нарастающем страхе, поскольку печально известному убийце удавалось ускользать от правоохранительных органов и насмехаться над ними.

Но потом Лесовик просто исчез, залег на дно после жуткого массового убийства возле Гранд-Кэш к северу от Джаспера. Считалось, что он бежал через Скалистые горы, пересек горы Карибу, а затем, возможно, спустился к озеру Боурон или прячется в провинциальном парке Уэллс-Грей. Но местность эта дикая и суровая, и все чаще начали звучать предположения, что, в конце концов, он мог погибнуть.

Однако вскоре возле Хорсфлая неожиданно пропал охотник. Доказательств того, что охотник убит, не было, но слухи поползли снова. А с ними пришел страх. А со страхом и якобы участвовавшие встречи с Лесовиком.

Один лесоруб рассказал, что, по его мнению, он, возможно, подвез Лесовика, где-то между Кенелем и Уильямс-Лейком. Двое немецких туристов предположили, что мельком видели его в северных окрестностях города.

В очередной раз одни лишь домыслы и предположения, но «маунти» в этом районе были приведены в боевую готовность. Затем поступил звонок в хижину в Квонсете. Откликнулись два констебля, но радио тут же умолкло.

В разгар не по сезону рано начавшейся снежной бури старший сержант отряда Уильямс-Лейка с наступлением темноты отправил всех, кто был в его распоряжении, включая Гейба, на задание, плюс вызвал из Принс-Джорджа группу экстренного реагирования – эквивалент горного спецназа. Военные также были приведены в боевую готовность.

Но тут, как назло, помешала метель. Парни из группы экстренного реагирования застряли на земле: их вертолеты не могли подняться в воздух. И Гейб, как старший офицер, повел своих товарищей через белую мглу прямо в засаду. В засаду, которую им устроил Курц Стайгер.

Гейб был фактически загнан в угол, оставшись без помощи на несколько часов, а возможно, и дней. И этот ублюдок Стайгер каким-то образом об этом узнал. Он знал, что Джиа – его девушка. Он играл с ними, бог знает сколько времени рыскал по городу. Наблюдал, изучал, выслеживал, выискивал, чем бы еще развлечься, и, в конце концов, устроил засаду.

Гейб должен был сделать все что угодно, но только не посылать Джию на пару с молодым констеблем с приказом подойти к хижине сзади. Вооруженный помповым ружьем, Лесовик

выскочил наружу и открыл огонь, а через несколько секунд сама хижина взорвалась позади него огненным шаром.

Стайгер сбил снегоходом Джии и констебля. Потом неторопливо слез, чтобы посмотреть в глаза умирающей на снегу Джии, пока оглушенные взрывом другие офицеры пробивались сквозь пламя, пытаясь найти своих сослуживцев и жертв из числа гражданского населения.

Стайгер затем вновь сел на снегоход и скрылся в лесу.

Ослепленный яростью и бурлящим в крови адреналином, Гейб бросился за ним в погоню и, в конце концов, догнал и ранил негодяя. В последовавшей кровавой схватке Стайгер сумел сломать Гейбу ногу, зажав его между снегоходом и деревом, но затем Гейбу удалось несколько раз ударить его электрошокером. То приходя в себя, то вновь теряя сознание, Стайгер смотрел Гейбу прямо в глаза и, гнусно улыбаясь, говорил ему, с каким удовольствием он наблюдал за тем, как умирала Джиа. Гейб был готов своим охотничьим ножом перерезать ублюдку горло, но тут на место происшествия прибыл один из капралов и тем самым спас его от поступка, который, имейся тому свидетель, стоил бы ему карьеры. Печально знаменитый Лесовик наконец-то был взят под стражу.

Но цена была высокой. И она была личной.

Хотя КККП и является военизированной организацией, в одном жизненно важном смысле она отличается от обычных вооруженных сил. Солдат учат отнимать жизнь. Смыслом существования «маунти» было эту жизнь защищать. Вооруженные подразделения привлекались лишь в крайнем случае и только для защиты жизни, при непосредственной угрозе. Это правило так прочно укоренилось в психике «маунти», что, когда дело доходило до реального насилия, – когда людей убивали, – оно было почти непреодолимым.

Даже когда погибали твои товарищи.

Даже когда этим товарищем была твоя невеста. И ее смерть была на твоей совести.

Но внутреннее расследование оправдало Гейба. Металлический штифт в ноге вызывал уже не такую сильную боль, а физиотерапия помогла ему снова встать на ноги. Похороны в Оттаве давно прошли, и психиатры одобрили возвращение Гейба на активную службу. Но они не знали.

Они не знали, насколько Гейб был близок к тому, чтобы прикончить Стайгера, даже после того, как этот ублюдок попал за решетку.

Они не знали, что Гейб больше не доверял себе и не мог взять в руки оружие. Он не сказал психологам, как быстро в нем вспыхивает ярость. Каких адских усилий ему стоило не выхватить из кобуры табельный пистолет. Он не сказал, что стал злейшим врагом самому себе.

Возможно, ему следовало признаться им, но тогда бы его отстранили от работы. Он же должен был работать, чтобы хотя бы частично оставаться в здравом уме. Но пока он не разобрался с некоторыми вещами, Гейб решил, что лучше поработать там, где он мог бы затаиться, залечь на дно, где уровень преступности был практически нулевым.

Где он, черт возьми, не мог никому сделать больно.

Как, например, в Блэк-Эрроу-Фоллз.

Где-то в глубине его души жила мысль, что он может здесь просто исчезнуть. Отправиться с удочкой в дебри, затеряться среди гор. И не вернуться. Заставить себя принять жизнь – это должно стать его последним испытанием.

– Приехали, это подразделение Блэк-Эрроу-Фоллз, – объявил Донован, выруливая на гравийную стоянку позади бревенчатого деревенского дома, на крыше которого на теплом ветру развевался красно-белый канадский флаг.

Следуя за Донованом в здание, Гейб изо всех сил старался сосредоточиться. Его единственным отпущением грехов было то, что он упек Стайгера за решетку. Только этим он мог оправдать свои жертвы. Только так он мог смириться с потерей Джии, с гибелью других офицеров. Стайгер больше никого не убьет.

– Вот это стол Розы Нетро, – сказал Донован, входя вместе с Гейбом в приемную их крошечного полицейского участка.

Помещение не шло ни в какое сравнение с тем офисом, в котором он работал в городе. Его кабинет в Уильямс-Лейке был воплощением стиля и элегантности.

– Розы – одна из двух наших гражданских клерков, которые занимаются административными вопросами. Сейчас она не на работе, ее рабочий день с девяти до пяти по будням. Табита Чарли – наш диспетчер, она работает по выходным, совсем недавно пришла к нам, но сейчас она в декретном отпуске. – Донован улыбнулся чистой, искренней улыбкой. – Малыш должен появиться на свет со дня на день.

Донован ждал от Гейба реакции, какой-нибудь банальности, улыбки, возможно, кивка. Гейб понимал, что рождение нового человека – это замечательно. Но был не в силах заставить себя ответить.

Его реакция была похоронена где-то среди моделей ожидаемого и социально приемлемого поведения, но у него не было желания извлекать ее на свет. Эмоциональный диссонанс, как называют это психиатры. Он вырос из давней привычки полицейского из отдела расследования убийств разделять вещи на составные части. Похоже, что он навсегда заперся где-то внутри своего «я». Только так он смог пережить прошедший год. Это спасло ему жизнь. Хотя жизнью это было назвать трудно.

Донован отвел глаза – едва заметная, но вполне красноречивая перемена в его поведении.

– А вот здесь мы все сидим. Констебль Энни Лаваль – вон за тем столом. Здесь мое место, – указал он. – Там стол констебля Стэна Хьюнга, а тот стол, что у окна, – для нового сотрудника, Кейда Маккензи. Его перевод состоится через пару месяцев.

– И где сейчас Лаваль и Хьюнг? – спросил Гейб, оглядывая крошечный офис.

– Хьюнг в отпуске по семейным обстоятельствам. У него умерла мать. Мы ожидаем его возвращения через две недели. Лаваль участвует в судебном процессе в Уайтхорсе, там слушается дело о нарушении правил охоты. Ее вызвали для дачи показаний. Это ее первый случай. Она лишь недавно окончила курсы резерва.

Желторотый новобранец, только что из академии. Гейбу не нравилось чувство ответственности, которую это накладывало на него. Можете назвать его мужским шовинистом, но он не хотел подвергать опасности еще одну женщину. Ни за что. Это шло вразрез с тем, что ему внушали, – мол, все они равны во всем. Он же был прирожденным мужчиной-защитником.

В свое время в школе это стоило ему синяков под глазами и сломанной руки, когда он встал на защиту своей младшей сестры и ее подружек. Но это же сделало его хорошим полицейским.

– Лаваль... она из Квебека, судя по имени? – спросил он.

– Точно, – ответил Донован. – Характерный акцент и дерзкий темперамент под стать.

Гейб хмыкнул. По крайней мере, здесь, в Блэк-Эрроу-Фоллз, мало что могло угрожать молодому констеблю Энни Лаваль. Кроме диких животных и ее сложного характера. Ему следует быть осторожным, чтобы не распространить этот яд, – это было бы несправедливо по отношению к молодым офицерам.

– Изолятор здесь. – Донован повел Гейба по коридору. – Комната для допросов там, комната для хранения улик и оборудования – справа.

Он отпер и распахнул дверь. Взгляду Гейба предстали полки со шлемами для катания на снегоходах, два спутниковых телефона и другое оборудование слева, стойки для винтовок и дробовиков в центре и полки с пакетами для сбора улик в задней части.

– А это спортзал. – Донован расправил плечи и открыл еще одну дверь в маленькую квадратную комнату, в которой стояли беговая дорожка и велотренажер и лежали гантели. Комната была выкрашена в белый цвет и имела маленькое окошко. Как тюремная камера. Гейб

представил себе сугробы, такие высокие, что закрывали это маленькое окошко. Его внутри как будто что-то сжало. Вместе с ним пришло ощущение легкой клаустрофобии.

Это будет сложнее, чем он думал. Это станет его тюрьмой, его личным наказанием за то, что в тот день все пошло не так.

Теперь, глядя на эту маленькую комнату, он спрашивал себя, найдет ли он когда-нибудь дорогу назад, или же Блэк-Эрроу-Фоллз станет концом его пути, его вечным дном.

– А это ваш кабинет, – сказал Донован, вернувшись в главную комнату и открыв дверь в отгороженное помещение. Внутри Гейба все сжалось еще сильнее.

Из большого окна были видны столы в главном офисе. Из другого, в задней стене здания, открывался вид на несколько ветхих дощатых домиков, участок земли с чахлым кустарником и безлюдную гористую местность за ними.

Гейб молча смотрел на тесную нишу с древним компьютером и обычным офисным столом. Кровь бешено застучала в висках.

– Послушайте, – внезапно сказал Донован, и его щеки слегка порозовели. – Для протокола... я думаю, в тот день вы приняли правильное решение. Вы поймали Лесовика.

– Я потерял четырех сослуживцев и одного гражданского.

Щеки Донована вспыхнули румянцем еще сильнее. Гейб не щадил чувств парня, да и его желание облегчить жизнь своему молодому констеблю тоже было погребено где-то внутри него. Донован откашлялся и отвел глаза.

– Я... должен закончить вводить вас в курс дела.

– Верно.

Он вновь нервно прочистил горло.

– Как вы знаете, в Блэк-Эрроу-Фоллз нет стационарных телефонов, – сказал он.

Гейб не знал этого. И это не особо его интересовало. Он не удосужился прочесть о своем новом месте службы ничего, кроме основных фактов. Назначение пришло быстро, как только он отправил запрос.

Он принял его так же быстро.

– Телефонная связь и высокоскоростной интернет предоставляются городу через спутниковую антенну, – пояснил Донован. – Она улавливает сигнал и передает его в отдельные дома и на предприятия по местной телефонной линии. В участке имеются собственная спутниковая антенна и радиантенны, установленные на нашем здании. В нескольких милях от нас на холме есть ретранслятор, так что радиус действия радиосвязи вполне приличный, но, отправляясь в лес на любое расстояние, мы для оперативной связи берем спутниковый телефон.

– Электричество?

– Поставляется компанией «Юкон Электрик» через дизельную электростанцию. Дизель привозят самолетом. То же самое с обычным бензином. Племя Черной Стрелы владеет автозаправкой. В универмаге через дорогу продаются продукты питания и предметы первой необходимости. Универмаг выполняет еще и функции почты. Почтовый самолет прилетает раз в неделю, как и пассажирский самолет, он же самолет службы доставки авиакомпании «Эйр Норт». Сейчас в нашей лечебнице есть врач-интерн и две медсестры. Там имеется видеоконференц-связь. Стоматолог прилетает раз в месяц, – он фыркнул. – Почти каждый месяц.

– И давно вы здесь, констебль? – внезапно спросил Гейб.

– Пять месяцев, сэр.

– Это ваше первое место службы?

– Второе. Два года служил в Фаро. Мне нравится север, сержант.

Гейб глубоко вдохнул, набираясь терпения.

– Значит, пока здесь только мы с вами, констебль?

– И еще Роза.

– Ах да. – И Роза. Гейб подошел к широкому окну, вырубленному в грубо отесанных бревенчатых стенах. Оно выходило на пыльную главную улицу.

– Здесь не так уж много чего происходит с осени до зимы, – добавил Донован. – Не считая домашних скандалов или пьяных драк.

Именно это и угнетало Гейба больше всего. Иметь за спиной семнадцать лет службы, чтобы разнимать пьяных?

– На прошлой неделе тут на людей напал гризли, – сообщил Донован. – Это вызвало небольшой ажиотаж. Папка с отчетом у вас на столе.

Гейб не слушал. Его внимание внезапно привлекла женщина, шедшая по дороге с охотничьим ружьем за спиной в сопровождении стаи волкособак. Сильвер.

Она привела себя в порядок и, черт возьми, стала еще привлекательнее!

В джинсовой куртке, накинутой поверх белого хлопкового платья, слегка касавшегося голенищ ее высоких сапог, длинные черные волосы распущены и свободно ниспадают на спину, доходя почти до ягодиц.

Донован подошел к нему и встал рядом.

– Это Сильвер Карвонен. Она следопыт. Природоохранная служба наняла ее выследить медведя-убийцу. Как я уже сказал, отчет у вас на столе.

Взгляд Гейба вернулся к Доновану.

– Убийцу людей?

– Как сказать. – Констебль снова откашлялся. – На самом деле медведь не убил того парня, но начальник утверждает, что убил бы, не скатись охотник в овраг. Медведь, наверное, теперь любит человеческую кровь.

Пульс Гейба слегка ускорился.

– Это ваше мнение или мнение начальника?

Донован снова покраснел.

– Если честно, то мое, сержант.

Гейб оглянулся на Сильвер, шагавшую к универсальному магазину. Его уже давно ничего так не интересовало.

– Так, значит, она следопыт?

– Один из лучших к северу от 60-й параллели. Также занимается поиском пропавших людей. Иногда за ней прилетают и увозят для участия в некоторых действительно сложных поисково-спасательных операциях, в основном на Севере. Особенно в тех случаях, когда теряются дети. У нее особый нюх на потерявшихся детей. Она просто не сдастся, если вдруг где-то пропал ребенок.

Гейб ощутил, что слова Донована заинтриговали его.

– Но обычно в летние месяцы она управляет охотничьим домиком «Старый лось» одного предпринимателя из Уайтхорса, который организует охотничьи вылазки. Домик находится сразу за чертой города, на берегу озера Натчако, там у Сильвер есть и свой домик. Предприниматели владеют здесь охотничьей концессией, – добавил он. – И Сильвер в качестве проводника иногда сопровождает группы, которые прилетают сюда и за хорошую добычу платят порой кучу денег.

Гейб пронаблюдал за тем, как Сильвер приказала своему мохнатому эскорту сесть и поднялась по старой деревянной лестнице универмага, располагавшегося на другой стороне улицы. Гейб знал, что население Блэк-Эрроу-Фоллз на девяносто процентов состоит из индейцев племени Черной Стрелы, малочисленной подгруппы гвितчинов, обитавших по всему северу Канады и на Аляске, но Сильвер явно получила эти голубые, пронзительные как лазер глаза откуда-то еще.

– Карвонен, – сказал он тихо, увидев, что женщина скрылась в дверях магазина. – Это не местное имя.

– Финское. Ее мать – индейка из племени гвичинов, а отец, очевидно, какой-то чокнутый старатель-одиночка из Финляндии. Большинство этих парней, что приезжали к нам сюда, искали юконское золото. Его звали Финн. Этот якобы прибыл в поисках серебра.

– Ну и как? Нашел он серебро?

– Нет, но он нашел жену и родил ребенка. Так Сильвер получила свое имя. *Они все приезжают и что-нибудь ищут. Порой сами не знают, что именно.*

Гейб еле сдержал улыбку. Похоже, старатель получил то, за чем пришел. Он просто не знал, что искал семью.

– Гляжу, вы в курсе местных сплетен, констебль?

Донован пожал плечами, по его лицу скользнула улыбка. Гейб невольно проникся симпатией к этому парню.

Но прежде чем Донован успел сказать что-то еще, в крошечном кабинете Гейба на столе зазвонил телефон, вернув его в реальность. Донован мотнул головой.

– Ваша прямая линия, сержант. Если Розы не на дежурстве, звонок проходит прямо к вам и на голосовую почту.

Гейб вошел в свой новый кабинет и поднес трубку к уху.

– Карузо! – рявкнул он.

– Гейб, это Том.

Его приятель из отдела расследования убийств в Суррее.

– Том? Как...

– Где, черт возьми, ты был? Я пытался дозвониться до тебя весь день.

– Сотовая связь здесь – несуществующая роскошь.

– Ты видел новости?

Что-то в голосе Тома заставило Гейба замереть в ожидании.

– Какие новости? – тихо спросил он.

– Лесовик... он на свободе. Прошлой ночью во время грозы Курц, гребанный Стайгер, бежал из тюрьмы усиленного режима.

Глава 3

В голове у Гейба загудело. Пальцы крепко стиснули трубку.

– Как? – едва слышно прошептал он. – Как, черт возьми, он смог убежать?

– Во время недавнего наводнения паводковая вода просочилась в подземные электрические системы Кентской тюрьмы, – сказал Том. – Коммунальные службы работали как сумасшедшие, укладывали мешки с песком, разрабатывали планы на случай непредвиденных обстоятельств для перевода заключенных в соседнюю тюрьму, если вдруг дела пойдут еще хуже.

Гейб легко мог себе это представить. Кент располагался в низменной части дельты Агассиса. Ближайшая тюрьма в соседнем городке – чуть выше.

– Уровень воды поднимался очень быстро. Произошло короткое замыкание, резервный генератор при попытке его запустить взорвался. Надзиратели были вынуждены выводить заключенных в темноте.

Костяшки пальцев Гейба побелели. Он изо всех сил пытался осознать услышанное. Пока адвокаты спорили о его экстрадиции и утрясали юридические вопросы, Стайгер находился в этой тюрьме. Гейб заметил, что Донован смотрит на него через стекло.

– Продолжай, – попросил он. Слова застряли у него в горле, как мелкий гравий.

– Стайгер не преминул этим воспользоваться. Похоже, пырнул другого заключенного заточенной ложкой. В кромешной тьме вспыхнул бунт. Двое надзирателей убиты, еще несколько в критическом состоянии. Ублюдок фактически раздел одного, натянул на себя его форму, запрыгнул в тюремный фургон и выехал прямо из главных ворот тюрьмы. Никто не обратил на это внимания: все решили, что это кто-то из тюремного персонала. Стайгер бросил фургон на шоссе недалеко от Мэннинг-парка. Похоже, там он нырнул в лес и направился на юг, к границе с США.

– И это с военным трибуналом США, нависшим над его головой?

– Для этого типа границы не имеют значения.

Нет. Для Курца Стайгера значение имело *все*. Гейб это знал, так как знал его слишком хорошо. Он изучил – и запомнил – все, что написали аналитики КККП, занимающиеся уголовными расследованиями.

В ту снежную ночь в лесу он сам заглянул этому чудовищу прямо в глаза. Он едва не прикончил его.

Гейб потер переносицу.

– Это было во всех новостях, – сказал Том. – Я... думал, ты слышал о побеге.

– Я сейчас в дебрях, Томас. Можно сказать, у черта на куличках.

– Си-Би-Си работает над репортажем, который будет транслироваться сегодня вечером во время обычного выпуска новостей. Я... я хотел убедиться, что ты знаешь. Возможно, они упомянут... Джию и все такое.

Необъяснимая эмоция сжала грудь Гейба и обожгла глаза. Он ощутил себя побежденным.

То, что Стайгер оказался за решеткой, служило ему оправданием, искупало в его глазах гибель Джи. А также гибель офицеров. Это единственное, что помогало ему жить дальше. Теперь он лишился даже этого.

Гейб тяжело прислонился к своему крошечному новому столу.

– Где его ищут? – тихо спросил он.

– Крупная охота идет в Мэннинг-парке у границы с США. Собаки, вертолеты, военные и все такое прочее. Они расширили поиск и перенесли его за границу, в штат Вашингтон, где действуют вместе с властями США.

– Почему?

На мгновение повисла озадаченная тишина.

– Потому что туда ведет его след.

– Стайгер не оставляет следов, – произнес Гейб еще тише. – Если только он не хочет, чтобы его нашли.

Том помолчал.

– На этот раз ему не уйти, Карузо. Он был ранен во время тюремного бунта. Он оставил в том фургоне лужу крови. Он ранен и в бегах. Собаки идут по его следу.

– Верно, – согласился Гейб. Курц Стайгер мог выжить после чего угодно. Это то, что он всегда делал. Выживал. И убивал.

– Этот тип не сверхчеловек, Гейб. Они рассчитывают поймать его в течение нескольких часов.

– Верно, – повторил он. На несколько мгновений снова повисло молчание.

– Там, «наверху», у тебя все в порядке?

Там, «наверху».

Примерно так мать Гейба, ревностная католичка, называла чистилище – то особое место, где обреченным душам суждено вечно болтаться между адом и раем.

– Да, все в порядке, – солгал Гейб. – Ты будешь держать меня в курсе, Том? Я... я сейчас немного выпал из кадра, и... мне бы хотелось знать.

– Поэтому я и позвонил, приятель.

Гейб положил трубку, костяшки его пальцев были белыми. Он согнул и разогнул пальцы, посмотрел на свои руки, затем перевел взгляд на появившегося в дверном проеме Донована.

– Он сбежал, – сказал Гейб. – Лесовик сбежал.

Лицо Донована приняло серьезное выражение.

– Я так и понял.

Гейб внезапно оттолкнулся от стола и стремительно поднялся на ноги.

– В этом городе есть телевизор?

Донован пристально посмотрел на него.

– У нас есть интернет. Вы можете получать новости по...

– Я хочу посмотреть телевизор. Хочу увидеть сегодня вечером репортаж Си-Би-Си о Стайгере.

А еще ему хотелось пива. Нет, пару бутылок пива. Он был не прочь утопить себя в виски, но в городе был сухой закон.

– В закускойной Мэй Энн есть телевизор. Там идут два канала Юкона. В частных домах есть спутниковые системы и одна в охотничьем домике «Старый лось», но это уже за чертой города. Кстати, там подают довольно приличную еду.

Проходя через приемную, Гейб посмотрел на часы. Мужчина толкнул дверь и вышел на маленькое деревянное крыльцо, украшавшее фасад полицейского участка. Ему срочно требовался воздух. Но вместо воздуха его ждал сюрприз.

Заходящее солнце окрасило суровые заснеженные горы мягким персиковым альпийским сиянием. Воздух стал тяжелым и прохладным. Опершись руками о деревянные перила, Гейб жадно вдыхал его. Сердце бешено колотилось в груди. Зрелище было таким прекрасным, что на мгновение просто потрясло его.

– Сержант? – слышался голос Донована.

Гейб еще крепче вцепился в перила.

– Что такое, Донован? – тихо отозвался он, не глядя на нового коллегу.

– Я знаю, что технически до завтра вы не на дежурстве, но вождь Питерс ждет вас в офисе племени, и я... ммм... упомянул, что вы можете зайти и встретиться с ним сегодня вечером.

Вождь племени Черной Стрелы Гарри Питерс считался также мэром поселка. Его племя заключило контракт с КККП об охране их городка и прилегающей местности. Предполагалось,

что как новый сержант полиции Гейб будет сотрудничать с Питерсом – точно так же, как и любой другой полицейский начальник с любым местным мэром и городским советом.

– Не сейчас, – сказал Гейб, пытаясь совладать с неуклонно нарастающей в нем яростью. Его вспыльчивость, желание убивать, чувства, способные мгновенно наполнить его до краев, стали его слабым местом, черной раковой опухолью, от которой он не мог излечиться. И он как раз ощущал ее в эти минуты.

Убийство шло вразрез со всем, что делало Гейба офицером Королевской канадской конной полиции. Но если бы капрал не прибыл в ту ночь, когда Гейб преследовал Стайгера, он знал, что точно совершил бы убийство.

Голыми окровавленными руками он разорвал бы этому ублюдку его мерзкое горло. Наверно, зря он тогда этого не сделал. Неистовая сила, бурлившая той ночью в его крови, пугала. И почти опьяняла.

В тот миг, когда он чуть больше года назад снежной ночью в лесу возле Уильямс-Лейка встретился взглядом со Стайгером, в нем шевельнулось нечто темное, первобытное, атавистическое.

Потому что он по-прежнему хотел убить его.

Именно это вынуждало его раз за разом спрашивать себя, может ли он по-прежнему носить красный мундир «маунти» и иметь при себе пистолет.

– Увидимся завтра, – спокойно сказал он, не глядя на Донована. Сейчас ему не хотелось ни с кем разговаривать. Сейчас ему нужно было другое: прийти в свою хижину, снять форму, найти телевизор и пиво. Он выругался про себя.

Они заперли Стайгера в тюрьме, но Стайгер запер и его тоже. Теперь этот ублюдок разгуливает на свободе. В то время как Гейб все еще был заперт за своей чертовой решеткой.

В универсальном магазине Сильвер купила патроны для винтовок, новый охотничий нож и забрала почту, которую Эдит Джози, хозяйка магазина, получала для Старого Ворона. Через день-два она отвезет ее в его вигвам.

Старый Ворон был старейшиной племени Черной Стрелы и наставником Сильвер. Она понятия не имела, сколько ему лет. Он старше времени, старше реки, как сказала ей Эдит. Да и сама Эдит не была юным цыпленком.

Каков бы ни был его возраст, Сильвер казалось, что Старый Ворон будет жить вечно. Некая часть ее сознания чувствовала, что он всегда будет рядом с ней и она никогда не перестанет учиться у него. Это образование началось после смерти ее матери, когда самой Сильвер было девять лет. Она перестала ходить в маленькую школу Блэк-Эрроу-Фоллз, а ее отец был слишком убит горем, чтобы заставить ее посещать уроки.

В конце концов, отец устал скорбеть и сошелся с медсестрой-чечако, которая взялась обучать Сильвер на дому. А летом, под незакатным солнцем, Сильвер вместе с отцом отправлялась на разведку в лесные дебри.

Время от времени она и Финн, как все называли ее отца, натыкались на Старого Ворона, расставлявшего капканы, и проводили ночь в его вигваме, слушая его рассказы, и их костры стреляли оранжевыми искрами в бледное небо.

Старый Ворон умел рисовать в воздухе своими скрюченными руками. Ловким взмахом он мог изобразить погоду или повадки маленького лесного зверька. По единственному отпечатку лапы в грязи он мог поведать целые главы из жизни рыси, более того, даже рассказать, как найти эту рысь, – лишь по подсказкам этого единственного следа. Для юной Сильвер он был обаятельным следопытом, живущим среди дикой природы. Она, как заблудившийся медвежонок, начала ходить за ним повсюду, жадно впитывая каждое, даже случайно оброненное им слово.

И, в конце концов, Старый Ворон официально взял Сильвер под свое крыло. Он научил ее читать книгу природы так, как обычный ребенок читает обычную книгу. При этом он никогда ничего не сообщал ей напрямую. Он указывал ей путь загадкой, заставляя использовать врожденное любопытство, помогавшее ей разгадывать тайны собственными усилиями и умениями.

Сделанные ею открытия вызывали у нее восторг. Таким образом, Сильвер научилась говорить на другом языке, языке, который вписывается прямо в ткань природы. Со временем благодаря Старому Ворону она стала одним из лучших следопытов в стране. Все остальное, что ей нужно было знать о жизни, она узнала на уроках природы.

Но хороший следопыт никогда не перестает учиться. Сильвер по-прежнему с радостью приходила в лагерь Старого Ворона, туда, где тот по-прежнему жил в своем вигваме.

Она внутренне улыбнулась, поблагодарила Эдит и засунула пачку писем в кожаную сумку, висевшую у нее на плече. Возможно, Старый Ворон и предпочитал жить на старый лад, однако ему нравилось получать почту из Уайтхорса, которую доставлял самолет.

– *Масси Чо*, – сказала она на гвитчинском наречии племени Черной Стрелы. – *Гвинзи Эдик’анаантиш*. Береги себя, Эдит.

Эдит улыбнулась. Ее глаза превратились в узкие щелочки в складках коричневой кожи за толстыми стеклами очков. На прощание она помахала Сильвер.

Спустившись с крыльца универмага, Сильвер свистнула своим собакам и поправила на спине ружье. Она уже собралась зашагать по главной дороге Блэк-Эрроу-Фоллз, когда увидела нового полицейского. Тот стоял на крыльце полицейского участка, и над его головой на фоне ясного лилового неба развевался канадский флаг с символичным красным кленовым листом.

Ее сердце неуклюже – словно назло ей самой – затрепетало в груди.

Зря она не прошла мимо: все было бы в порядке. Но почувствовав, что он смотрит, она сделала ошибку – подняла на него глаза. И мгновенно угодила в ловушку его цепкого взгляда.

Внезапно она даже перестала дышать. Внутри у нее нарастало смятение вкупе с непреодолимым желанием броситься наутек.

– Привет! – тем не менее сказала она и остановилась. – Что-нибудь слышно о нашем гризли?

Его мускулистые руки крепко держались за перила полицейского участка, его глаза тут же впились в нее. Поза была властной, почти агрессивной. Казалось, что-то изменилось в нем с тех пор, как она встретила его на взлетно-посадочной полосе.

Она прищурилась, глядя на него. Как назло, свет вечернего неба бил ей в глаза.

– Так как же гризли? – спросила она.

– Я слышал, он отведал вкус человеческой крови. Донован сказал мне, что вы охотитесь за ним.

– За ней. Это она, а не он. Медведица, – сказала она хрипло. Черт, и как только этот тип смог так повлиять на ее тело, да еще так быстро? Она почему-то утратила над ним контроль. А Сильвер любила – не говоря уже о том, что это было необходимо – все держать под контролем. – Кроме того, это не дело полиции.

– А, по-моему, это ее дело.

Она ошетибилась.

– Другие полицейские не возражали против того, чтобы этим занималась служба охраны природы. И это задание мне поручил их начальник. Так что это мое дело.

– Я не другие полицейские, Сильвер.

– Сержант... – она подошла ближе, что еще больше поставило ее в невыгодное положение, так как теперь, чтобы посмотреть на него, она была вынуждена задрать голову. – Медведица защищала тело своего мертвого детеныша. Ей самой угрожала опасность. Ее атака не была атакой хищника. Это была самооборона, поэтому я оставила ее в покое.

Сильвер говорила тихо, однако постаралась, чтобы ее слова прозвучали весомо. Кем бы ни был этот Карузо, она не позволит ему охотиться на ее медведицу. Это ее территория, и она ее никому не уступит.

– Но это ведь не станет проблемой?

– *Я или медведица?*

По его интонации и взгляду было трудно понять, что он имел в виду. Сильвер перевесила винтовку и расправила плечи.

– Нападение может повлиять на ее взаимодействие с людьми в будущем, так что да, она может стать проблемой. Но мы должны дать ей эту зиму. Время странным образом исцеляет раны, сержант.

Его руки напряглись. Он с прищуром посмотрел на нее.

Она повернулась, чтобы уйти, но когда попыталась сделать шаг, обнаружила, что ее ноги стали ватными. Не оборачиваясь, она чувствовала на себе его взгляд. Он буквально прожигал ей спину.

– Здесь где-нибудь можно купить пива? – крикнул он ей вдогонку.

Сильвер напряглась. Затем медленно повернулась к нему лицом. Уголки ее рта скривились в ироничной усмешке.

– Это город трезвости, господин полицейский. Мне кажется, это ваша работа – сделать все для того, чтобы он таким и остался.

– Я слышал, что охотничий домик «Старый лось» находится за чертой города и там есть телевизор. Сегодня вечером мне нужно посмотреть новости.

Она изучающе посмотрела на него. Этот человек был ходячим парадоксом.

– Это общественное место, сержант. – Она заколебалась. – Но я бы на вашем месте оставила форму дома, если вы собираетесь выпить в моем баре. Я бы не хотела, чтобы вождь Питерс и совет племени подумали, что вы официально пытаетесь помешать их усилиям по борьбе с пьянством.

Сержант Гейб Карузо посмотрел на нее с такой прямоотой, что она опять ощутила мурашки в животе. Сильвер быстро повернулась и подозвала своих собак.

Она приложила все усилия к тому, чтобы шагать по улице плавной, спокойной походкой. Правда, при этом ею владело все что угодно, только не спокойствие.

Полицейский придет к ней в дом. Сегодня вечером.

Рядом с ним она чувствовала то, что, как ей казалось, она уже не способна чувствовать. Это пугало. Потому что, как и Сломанный Коготь, Сильвер была безутешной матерью, потерявшей ребенка. Но в отличие от медведицы-гризли она на самом деле убила человека. И если полицейский узнает это, у него будет законное право посадить ее за решетку. Навечно.

Глава 4

Гейб засунул свой табельный 9-мм пистолет сзади за ремень джинсов, под кожаную куртку-бомбер и взял со стола радиопередатчик и фонарик. Сегодня ночью дежурит Донован. Гейб еще официально не приступил к службе, но положенное снаряжение взял с собой.

Перед выходом он на мгновение обвел взглядом свою крошечную квартиру – свой новый дом на последующие два года. Небольшой, сложенный из толстых тесаных бревен. Интерьер строгий, в духе минимализма. Грубый стол и скамья отделяли гостиную от крошечной кухонной зоны, где перед старой почерневшей печью лежал тряпичный половик.

Из окна кухни открывался вид на Оленьё озеро, которое в этот вечер было неподвижным, как зеркало, и отражало длинные полосы ярко-розовых перистых облаков на бледном нордическом небе.

В гостиной перед каменным камином стоял маленький диван. Рядом с ним примостилось кресло, огромное, с откидной спинкой. Набитое так туго, что обивка местами грозила вот-вот порваться. К гостиной примыкали небольшая спальня и ванная комната. Сосновая кровать покрыта лоскутным одеялом, сшитым супругой переведенного на юг капрала, – домашний штрих, который, казалось, лишь подчеркивал одиночество Гейба.

Впрочем, он не мог ожидать большего. Он продал все вещи, которые они с Джисей приобрели вскладчину. Их общие вещи будили в нем воспоминания, которые вскоре стали совершенно невыносимыми.

Ничего нового он не накопил.

Гейб вышел на крыльцо, запер дверь своего бревенчатого домика и мгновение постоял, глядя по сторонам. В быстро остывающем воздухе его дыхание вырывалось облачками белого пара.

Клочок земли перед его скромным жилищем был свежевскопан – подготовленный к долгой зиме огород. Гейб легко представил себе жену этого полицейского, сажающую овощи для семейного стола. Он легко мог представить, как эта пара пользовалась красным каноэ. Оно было привязано у кромки воды под дрожащей на ветру осиной. Сейчас каноэ было сплошь усыпано хрустящими золотыми листьями, лишь несколько самых упрямых еще цеплялись за самые верхние ветки облетевшего дерева. Прямо на глазах Гейба один такой лист оторвался и с тихим шорохом упал на землю.

Он поднял воротник из овчины, засунул руки поглубже в карманы и побрел к охотничьему домику «Старый лось», гадая, как, черт возьми, он вообще собирается выживать шесть долгих заснеженных месяцев в этом маленьком деревянном жилище возле озера, погребенном под толщей сугробов.

Кто испытает к нему жалость, если он не выживет?

А после наступления этой зимы ему предстоит пережить еще одну. Интересно, куда его тогда пошлют?

Впрочем, ему никуда, собственно, и не хотелось.

Время тянулось бесконечно, пока он шагал по узкой, изрытой колеями тропе, с обеих сторон густо поросшей ельником и ягодными кустарниками. Подлесок уже темнел вечерними тенями.

Он мог бы взять квадроцикл, но охотничий домик находился всего в шести милях от его нового дома, и ему, чтобы сохранить душевное равновесие, срочно требовалось пройтись. Но пока он шел, незаметно возникло реальное ощущение, что за ним наблюдают.

Гейб остановился и прислушался. Он не мог сказать что, но что-то было явно не так. Справа от него в лесу внезапно раздался легкий хруст.

Его пульс участился, он резко развернулся и сосредоточился на звуках окружавшего его кустарника, пытаясь выявить звуковые аномалии. Затем вновь услышал его – этот хруст. Лоб тотчас покрылся испариной.

Медленно вытащив оружие, он взгляделся в похожие на пауков тени сухих кустов ивы. Сумерки как будто играли в игры, стирая грань между воображением и реальностью.

Что-то вновь резко зашуршало в сухих листьях, хрустнули ветки. Его пульс мгновенно участился, в горле пересохло. Сжимая пистолет, он вынул свободной рукой фонарик и направил его луч в густые заросли ивы.

Луч фонарика высветил блеск глаз, а затем перед Гейбом возник силуэт большого животного. Гейб понял, что смотрит во влажные глаза оленихи, застывшей, словно каменное изваяние, в тени леса.

Гейб судорожно со свистом выдохнул.

Тихо усмехнувшись, он вернул оружие на место. Качнув белым хвостом, олениха бросилась наутек. Гейб вновь рассмеялся и пригладил волосы чуть дрожащей рукой. Ощутил в груди внезапную легкость и зашагал дальше по травянистой тропе.

Да, нервишки у него все еще пошаливают. Но он не стал стрелять в эту чертову олениху. У него еще оставалась капля самообладания, чтобы подавить внезапный импульс и удержаться от выстрела.

Глядя в большие невинные карие глаза животного, чувствуя в крови прилив адреналина, который не был вызван злым человеческим умыслом, он ощутил внутри себя некий фундаментальный сдвиг.

Кто знает, вдруг у него все-таки остается надежда?

Тропу, что вела к охотничьему домику «Старый лось», окаймлял тесаный кедровый забор. Сам дом, массивное бревенчатое строение, стоял на берегу озера с чистой бирюзовой водой, – такого оттенка Гейб отродясь не видел, – а за ним, на отшибе, располагалось еще несколько хозяйственных построек.

Высоко в небе кружил орлан. Он вытягивал шею в поисках добычи, и его перья трепетали в потоках воздуха. Низко над водой носились маленькие летучие мыши, охотясь на комаров и словно соревнуясь с рыбами, что пробивали поверхность озера, посылая по дрожащей поверхности воды концентрические круги. Воздух был тяжел и прохладен, напоен ароматом сосновой хвои и терпкого можжевельника.

Гейб на мгновение замер, любуясь этой картиной. Затем его глаза выхватили силуэт Сильвер, ведущей трех лошадей к загону возле берега. В ее походке была некая первобытная непринужденность. Ее густые волосы развевались, она улыбалась, глядя на собак и щенка, резвившихся с ней рядом.

Внутри Гейба все замерло.

Эта женщина казалась ему воплощением свободы.

Она явно не чувствовала его присутствия, не знала, что чьи-то глаза наблюдают за ней. Гейб с удивлением понял, что ему хочется безмолвно смотреть на нее, не выдавая себя. В том, как она двигалась, было нечто такое, отчего у него перехватывало дыхание. Он завидовал ее свободе, ее вольному духу.

От этого он чувствовал себя нечестным, вороватым. Голодным.

Но она увидела его и мгновенно напряглась. Он поднял руку, чтобы поприветствовать ее, но она лишь указала на главное здание, а сама пошла со своими лошадьми дальше к загону.

По большой деревянной лестнице Гейб поднялся на веранду, опоясывающую домик. Над тяжелой двустворчатой дверью висели огромные, выбеленные временем и непогодой лосиные рога. Пошаркав ботинками по коврику, он вошел внутрь.

В каменном очаге потрескивал огонь, у барной стойки болтали двое мужчин и женщина, а бармен-индеец с гладкими черными волосами, забранными в конский хвост, насыпал арахис в тарелку. На стене за его спиной был установлен телевизор. Транслировался хоккейный матч.

Гейб уселся на табурет и придвинулся к стойке. Он заказал бокал «Молсона» и попросил – если никто не возражает – переключить телевизор на новостной канал Си-Би-Си.

– Вы новый полицейский? – спросил бармен, пододвигая к Гейбу холодное пиво. Это был молодой, сильный мужчина с кожей медного оттенка и маленькой серебряной серьгой в левом ухе.

– Сержант Габриэль Карузо, – представился Гейб, протягивая руку.

Троица на другом конце барной стойки тут же повернула головы в его сторону. Гейб кивнул им, и они слегка приподняли стаканы. «Да, улыбки у них не слишком дружелюбные», – подумал Гейб. То же самое было и с Сильвер. Под внешней вежливостью он замечал кипящую враждебность.

– Джейк Одно Перо, – представился бармен, переключая телевизор на новостной канал и вручая Гейбу пульт.

По телевизору шел рекламный ролик. Гейб посмотрел на часы и напрягся. Он успел как раз вовремя. На экране мелькнул логотип новостей Си-Би-Си, и он прибавил громкость. Во рту пересохло, пульс участился. Он знал, что увидит фотографию Стайгера. И, скорее всего, еще и свою собственную.

И фотографию Джи.

Если Том был прав, что Си-Би-Си подготовила новостной сюжет, он, скорее всего, увидит кадры из архива с похорон полицейских КККП, когда тысячи скорбящих пришли отдать дань уважения коллегам, погибшим при исполнении служебных обязанностей.

«Маунти» со всей страны стояли плечом к плечу морем красной саржи. Все просто не поместились в соборе Нотр-Дам в Оттаве, когда туда вносили гробы. В одном из них лежало тело женщины, на которой он собирался жениться.

Телеведущий заговорил. Но прежде чем Гейб успел уловить хотя бы слово, по его коже, словно бархат, скользнул мягкий, с легкой хрипотцой женский голос.

– Вы произвели бы лучшее впечатление, если бы посетили вождя и совет, а не сидели здесь и распивали пиво в свой первый вечер, – тихо сказала Сильвер, подходя к нему сзади.

Внезапно внимание Гейба как будто раскололось надвое: чувственно красивая женщина-следопыт рядом с ним и заполнившее экран безжалостное лицо Стайгера, чьи бледно-голубые глаза холодно смотрели в объектив камеры. Волосы Стайгера тоже были светлыми. Пепельно-русые, они были коротко подстрижены. Его кожа, напротив, была оливкового оттенка. Черты лица угловатые, сильные. Даже красивые. Почти завораживающие. И психопат Стайгер это знал.

Пульс Гейба участился. Закружилась голова. Он поднял руку, чтобы Сильвер замолчала, и сделал звук громче. Все в баре удивленно подняли глаза, а затем умолкли, ожидая, что за этим последует.

Сильвер удивленно уставилась на экран: сначала ведущий объявил о побеге Лесовика, затем последовали кадры с фотографиями мертвых «маунти» и Гейба – полицейского, руководившего операцией по поимке Стайгера в Уильямс-Лейке. Полицейского, потерявшего из-за этого монстра свою невесту.

Как следопыта, Сильвер заинтересовала история Стайгера. Ей хотелось узнать, как убийце почти три года удавалось скрываться от правоохранительных органов, но она не сумела сложить два и два, увязать эту историю с новым полицейским. Ее взгляд переместился на Гейба.

Внезапно все стало на свои места. Она поняла то, что увидела в его глазах. И она была права. Он – поврежденный товар. Да еще какой поврежденный.

Сильвер слушала новости, но смотрела на него. Она была опытным наблюдателем – животных, людей и прочего. Она инстинктивно замечала, как они двигались, разговаривали, как их эмоции трансформировались в их позы, как это заставляло их ставить ноги, оставлять следы. Именно таким образом она часто могла отличить следы ног одного жителя поселка от другого, даже не анализируя, почему. Более того, она часто могла сказать, что они делали, даже думали, когда оставляли эти отпечатки.

В кожаной куртке-бомбере и выпцветших джинсах, Гейб Карузо в эти минуты совсем не был похож на полицейского. Волосы взлохмачены, подбородок и щеки поросли темной щетиной, шейные мышцы агрессивно напряжены. Сильная шея. Сильный человек.

Ей нравилось то, что она видела, – даже слишком. И вновь по ее животу разлилось тревожное тепло. Рядом с этим мужчиной она отнюдь не чувствовала себя в безопасности... вовсе нет.

Она проглотила комок в горле и придвинула к Гейбу табурет. Ближе, чем было необходимо, достаточно близко, чтобы ощутить исходящее от него напряжение, похожее на подрагивающий жар от асфальта на дороге в пустыне. Она отметила, как он сжал пульт от телевизора в руке, причем сжал так, что костяшки пальцев побелели. В другой руке он держал бокал с пивом. «Его он сжимает с такой силой, что того гляди раздавит, – подумала она. – Может, убрать его или напомнить ему, что у него в кулаке хрупкое стекло».

Она перевела взгляд на телевизор. На экране появилось еще одно изображение Гейба. Снимок был сделан год назад, он стоял рядом с одним из гробов. На костылях, в парадном красном мундире, поверх на коротко стриженной голове чуть набекрень сидит «стетсон», на лице – отсутствующее выражение. Глаза темные, пустые.

Ведущий напомнил зрителям, как сержант преследовал Стайгера на снегоходе, как он помчался за ним в ту роковую ночь в самую круговерть метели. Завязалась перестрелка и рукопашный бой, в результате чего Гейб получил серьезные ранения, прежде чем ему удалось обезвредить Стайгера с помощью электрошокера.

В новостях говорилось о том, что Гейб быстро продвигался по карьерной лестнице и согласился на должность сержанта в Уильямс-Лейке, чтобы быть рядом со своей ныне покойной невестой. Учитывая это, получается, он явно был недоволен назначением в Блэк-Эрроу-Фоллз. Для него это был карьерный тупик.

Сильвер догадалась – все, что имело для Гейба какое-то значение, лежало в гробу на этом снимке. Новостная программа продолжилась, на экране снова появилась ведущая, и Сильвер ощутила, как гнев вскипает в ее венах. Она знала, на что похожа такая пустота.

Все, что имело значение для нее самой, было погребено под небольшой пирамидой из речных камней к северо-западу от городка, в Уцелье Росомахи. Эти камни она складывала собственными окровавленными руками.

Сильвер разрывалась между негодованием по поводу того, что КККП прислала к ним того, кто не хотел быть здесь, и состраданием к человеку, морально убитому потерей невесты и рухнувшей карьерой. Человеку, чья жизнь пошла прахом. Блэк-Эрроу-Фоллз заслуживал лучшего к себе отношения.

Как и сержант Габриэль Карузо.

В КККП, скорее всего, просто избавились от достойного полицейского, если судить по его послужному списку, который только что высветился на экране. Что, разумеется, не вызвало у Сильвер большей симпатии к федеральному начальству. Зато этот человек неожиданно перестал быть ее врагом.

Или все же оставался им?

Она оторвала взгляд от телеэкрана, чтобы украдкой взглянуть на его суровый профиль. Такому человеку, как он, будет что доказать. И если детективу отдела по расследованию тяж-

ких преступлений из большого города заняться в Блэк-Эрроу-Фоллз больше нечем, он мог запросто начать рыться в папках нераскрытых дел.

И рано или поздно он выйдет на нее.

Новости закончились, но Гейб продолжал сидеть, тупо глядя на плазменный телеэкран. Сама не зная, зачем она так поступает, Сильвер протянула руку и осторожно вынула пульт из его пальцев.

– Они неправильно преследуют его, – произнесла она, приглушив звук, и положила пульт на барную стойку.

Гейб резко посмотрел на нее.

– Что?

– Я о Лесовике. Им его не поймать.

Внезапно он подался вперед и весь напрягся. В его прищуренных глазах вспыхнул неподдельный интерес.

– Почему вы так сказали?

– Потому что они преследуют его как беглеца, пустившегося в бега.

– Но он и есть беглец.

– Нет, – тихо возразила она. – Этот человек не беглец. Он никуда не убегает. Он хищник. Он снова вышел на охоту.

– Откуда вы это знаете?

– По поведению прирожденных хищников. Они охотятся. И когда они ранены и загнаны в угол, они не убегают. Они просто становятся более опасными. Они идут на тебя... нападают.

Мускул на его челюсти начал подергиваться.

– И как бы вы выследили его?

– Точно так же, как я отслеживаю любого хищника.

Гейб покачал головой.

– Нет. Даже не думайте. Стайгер – пограничный гений, хитрый стратег. Этот тип – не животное. Он хитрый психопат.

– Именно это и делает его похожим на животное. Очень умное и очень опасное.

Гейб одним глотком допил остатки пива, со стуком поставил стакан на стойку и поднялся на ноги.

– Не обманывайте себя, Сильвер. – Он указал на экран телевизора. – Вам никогда не выследить этого человека. Наши парни охотились за ним месяцами. Я видел отчеты профайлеров. Я изучил в них каждое чертово слово. Я проник в больную голову этого ублюдка. – Он впился взглядом в ее глаза, и по ее позвоночнику вновь пробежал непривычный холодок. – Вы погибнете, даже не успев это понять. Возможно, вы хороший следопыт, Сильвер, но вы не ровня Курцу Стайгеру. Вы не охотитесь на людей.

Она поджала губы и прищурилась.

– Не думайте, что вы что-то обо мне знаете, сержант, – сказала она очень тихо, поднимаясь на ноги и всем своим видом бросая ему вызов. Ее пульс участился. – Вы хотя бы знаете, откуда взялось слово «игра»?

В его глазах мелькнула неуверенность. Она выдержала его взгляд, отлично понимая, что ее голубые глаза способны сделать с мужчиной.

– Некоторые считают, – продолжала она, – что оно произошло от древнегреческого слова *gamos*, означающего «брак» или «союз», как особые родственные отношения между охотником и добычей. И да, когда я охочусь, детектив, это моя игра. Отношения, эмоциональная связь с моей добычей. Здесь все так делается. Мы все связаны. И это та же самая *игра*, в которую играет Курц Стайгер.

– Что заставляет вас думать, что вы вообще что-то знаете об этом человеке?

– Потому что я сразу же увидела в выпуске новостей, что люди нужны Лесовику не просто как мишени, чтобы поупражняться в стрельбе. Это было бы слишком просто. Он изматывает их, обнажает до самых примитивных, атавистических эмоций, затем заставляет их бежать, иногда целыми днями преследует их, играя с их разумом, играя на их ментальных слабостях. Ему нужно, чтобы они знали: он где-то рядом, он наблюдает за ними, охотится на них, рассчитывая, в конце концов, убить их. Он жаждет этих отношений, близких и личных, потому что он питается запахом человеческого страха.

– И вы думаете, что говорите мне что-то новое?

Она злила его, однако не собиралась отступать и признавать поражение.

– Да, я так думаю, – сказала она. – Это лишь вопрос перспективы, сержант. Однако он имеет огромное значение.

Он сердито выдохнул и пригладил волосы.

– Не могли бы вы называть меня просто Гейб?

Сильвер искренне удивилась этой просьбе, ее губы тронула улыбка. Она почти купилась на нее, но вовремя одернула себя.

– Вам нужно увидеть дикую природу по-другому, прежде чем вы сможете «увидеть» Стайгера, – сказала она. – Возможно, некоторые из этих полицейских и военных следопытов знают, как переходить от одного следа к другому, но те, кто действительно способен «видеть», знают, где прячется их добыча, даже не глядя, по одному только следу. Подобно тому, как археолог по одной кости может реконструировать все животное целиком, хорошему следопыту бывает достаточно одного следа, чтобы собрать воедино сложную историю взаимосвязанных событий. И это может, не сделав и шага, привести его прямо к их началу.

– Только не грузите меня этой заумью. – Он наклонился ближе, его рот приблизился к ее губам. Ее кровь тут же потеплела. Где-то в глубине мозга Сильвер звякнул крошечный колокольчик, но она не желала отступать. Наоборот, она смело посмотрела ему прямо в глаза.

– А такой женщине, как вы, не следует даже думать о том, чтобы связываться с таким чудовищем, как Стайгер. – Голос Гейба сделался низким, чуточку хриплым.

– Почему? Потому что я женщина? – тихо спросила она.

– Потому что я видел, что этот тип делает с женщинами. Может, вы и хороши, Сильвер, как следопыт, но не настолько. Вам не по силам тягаться с ним. Уж я это знаю.

– Возможно, там, откуда вы родом, Гейб, все так, но здесь все по-другому. Мы знаем, что, хотя волк и силен, его может перехитрить заяц.

С этими словами она повернулась и вышла. Сердце было готово выскочить из груди, ладони стали липкими, во рту пересохло. Она не собиралась давить на него. Бог свидетель, ей следовало оставить его в покое.

Она только создает себе проблемы.

Сильвер глубоко втянула воздух. Тугой рванный шрам на груди тотчас дал о себе знать, напоминая, насколько осторожной ей следует быть с сержантом Габриэлем Карузо.

Он спустился с холма к Доусон-сити, к месту слияния рек Клондайк и Юкон. Утренний туман окутывал старый город, некогда столицу давней золотой лихорадки. С момента его побега прошло почти три дня, и его лицо было во всех выпусках теленовостей. Ему нужно быть осторожным.

В небольшой городской библиотеке, чтобы остаться неузнанным, он низко опустил уши своей подбитой мехом охотничьей шапки и принялся искать в интернете информацию о Блэк-Эрроу-Фоллз.

Он забрал шапку и кое-какую одежду из маленькой хижины у реки, где зашил рану на ноге. На заправочной станции, в нескольких милях от хижины, он выполз из леса и пристегнулся ремнями под кузовом лесовоза. Он слышал, как водитель сказал, что едет на север. Затем

неподалеку от Уайтхорса он забрал из охотничьего лагеря оружие, вломился в другую хижину чуть дальше по Клондайкскому шоссе, где нашел еду и антисептик для все еще беспокоящей его раны.

Каждый раз он тщательно убирал после себя, стараясь не оставлять никаких следов. Не хотел телеграфировать Карузо о своих действиях.

Он хотел преподнести ему сюрприз.

Он владел собой, но пульсирующая боль в ноге держала его в постоянном напряжении. Боль была его другом. Терпение – искусством хищника.

Когда он просматривал онлайн-архивы юконской газеты, его внимание привлек материал о Сильвер Карвонен. Эта женщина-следопыт в прошлом месяце к северу от Уайтхорса нашла потерявшегося одиннадцатилетнего мальчика, хотя все уже потеряли надежду отыскать его. Он наклонился ближе к экрану. В статье говорилось, что ее умение ходить по едва различимому следу граничило с даром экстрасенса. Но то, что он прочел в следующей строчке, заставило закипеть его кровь: Сильвер Карвонен была из Блэк-Эрроу-Фоллз.

Он быстро забил в поисковик ее имя.

И почти сразу же наткнулся на несколько статей пятилетней давности. Карвонен была фигурантом расследования, проводившегося полицией по делу об убийстве бутлегера⁴ с Аляски по имени Дэвид Радкин.

Этот человек был отцом семилетнего сына Карвонен по имени Джонни, чье тело со следами утопления было найдено под грудой камней рядом с останками тела Радкина в зарослях кустарника к северо-западу от Блэк-Эрроу-Фоллз, недалеко от заброшенного золотого рудника.

Из заметки следовало, что медведя заманили на это место свисавшие с дерева окровавленные тряпки. Что вызвало интерес полиции. Офицер КККП допросил Сильвер, но не смог ничего доказать. Медведь уничтожил бо́льшую часть тела Радкина вместе со всеми уликами.

Это дело осталось нераскрытым.

Стайгер наклонился еще ближе, вглядываясь в зернистое черно-белое фото, на котором была изображена красивая, явно темпераментная женщина. Он тотчас ощутил в животе знакомое покалывание. Предвкушение. Оно приятно разливалось по всему телу, проникало в кровь. И Курц Стайгер мгновенно понял, чего он хочет.

В какую бы игру он ни решил играть в Блэк-Эрроу-Фоллз, Сильвер Карвонен будет ее главной фигурой. Достойная добыча. Настоящая охота.

Он уже выключил библиотечный компьютер и неожиданно почувствовал на себе внимательный взгляд библиотечарши.

Он замер, быстро соображая.

В библиотеке было тихо.

Вторая библиотечарша куда-то вышла. Помимо него, в комнате было еще трое пожилых посетителей. Они сидели, скрытые от глаз, за большим квадратным столом, стоявшим за рядом книжных полок. Стайгер медленно поднял глаза и встретился взглядом с библиотечаршей.

Та сглотнула.

Он понял: она его узнала, но в ее глазах читалась неуверенность. Похоже, что она не могла пошевелиться или оторвать взгляд от его глаз, будто загипнотизированная им. Да, он умел воздействовать на людей. Он знал, как этим умением пользоваться.

У него было несколько секунд, прежде чем она потянется к телефону, лежавшему всего в нескольких дюймах от ее руки.

Глядя ей в глаза, он что-то нацарапал на листе бумаги, затем плавно поднялся на ноги и, изобразив улыбку, подошел к ее столу.

⁴ Торговец контрабандным алкоголем. – *Примеч. ред.*

Она испуганно подняла глаза.

– Я могу вам чем-то помочь?

Он протянул руку и улыбнулся еще шире.

– Не могли бы вы сказать мне, где находится этот путеводитель?

Сбитая с толку, она перевела взгляд на его руку. Стайгер воспользовался этим моментом, чтобы резко опустить руку ей на плечо. Надавив на него, он с силой вонзил пальцы в точку у основания ее тощей шеи.

Глаза библиотекарки вылезли из орбит. Рот открылся в беззвучном крике, тело тут же обмякло. Стайгер быстро обошел стол, без усилий приподнял ее легкое тело и вынес из здания. Со стороны могло показаться, будто он помогает больной, потерявшей сознание женщине, для чего вынес ее на свежий воздух.

Двери библиотеки бесшумно закрылись за ними.

Улица была пуста.

Он нырнул за деревянное строение и быстро зашагал к ближайшему лесу. К тому времени, когда они найдут ее тело, у них не будет ничего, что связывало бы ее с ним. Его работа сделана, а его самого, как говорится, и след простыл.

Карузо тоже будет мертв.

Как и эта симпатичная охотница.

Глава 5

Гейб не видел Сильвер два дня, со времени их стычки в баре, и поймал себя на том, что, пока знакомился с городом, подсознательно искал ее.

Своей критикой она привела его в ярость. Ему стоило собственной души упечь этого больного на всю голову ублюдка за решетку, она же считала, что они поступили неправильно. Что могли поймать его раньше.

Непроизнесенный вслух намек на то, что Джиа могла остаться жива.

Сильвер больно задела его уязвимые места. Гейб той ночью пришел домой и, закинув руку за голову, лежал без сна на своей деревянной кровати, наблюдая за тем, как краешек луны пересекает арктическое небо. И вместо того чтобы заикливаться на Стайгере, он обнаружил, что ему не дает покоя вопрос, какова Сильвер в постели, какова на ощупь ее гладкая смуглая кожа, и вообще, занималась бы она любовью с тем же огнем, который сверкал, как лазерный луч, в ее голубых глазах.

Гейб не знал, испугаться ему своих чувств или же посмеяться над собой. Стоит ли ему даже думать о сексе... о жизни? И хотя он провел бессонную ночь, следующий день начал полным неожиданного и долгожданного заряда энергии.

Выйдя из офиса совета племени, где он только что обговорил систему еженедельных брифингов с вождем Питерсом, Гейб надел темные очки для защиты глаз от слепящего солнечного света.

Совет племени отнесся к нему с недоверием. Для них он был еще одним чечако, как они называли тех, кто родился южнее 60-й параллели. Но в последние два дня Гейб решил работать, показывая, так или иначе, что он здесь ради них. А вовсе не против них.

Он солгал бы себе, если бы притворился, будто на это его вдохновила вовсе не Сильвер. Вот почему ему так сильно и так странно хотелось увидеть ее снова.

Он сказал себе, что лишь затем, чтобы поговорить о Стайгере и об умении ходить по следу.

Станным образом Гейб поймал себя на том, что ищет ее одобрения. Господь свидетель, в чьих-то глазах он уже давно не делал ничего хорошего. Особенно в своих собственных глазах.

Время от времени мужчине требуется капелька одобрения.

Прищурившись, он посмотрел на зазубренные горные вершины на северо-западе, обозначающие границу Аляски. Оттуда гранитные горы плавно переходили в предгорья. Те, в свою очередь, спускались к Блэк-Эрроу-Фоллз, затерявшемуся среди холмистых болотистых долин Юкона.

Гвитчины этой местности получили свое название от реки Черная Стрела, что стекала с этих ледников и впадала в озеро Дикобраз. Сам городок был назван в честь водопада, короткого участка русла, где река резко сужалась. Здесь само русло обрывалось, и вода, бурля белой пеной, с грохотом срывалась вниз с черных скал.

Гейб посмотрел на далекие горы. Над ними повисла гряда темных туч – это надвигался грозовой фронт.

Именно тогда он увидел маленький красный одномоторный самолетик, метавшийся туда-сюда над облаками. Внезапно крылатая машина резко сбросила высоту и свернула влево. Ранее Гейб уже видел этот же самолет, когда тот низко летел к западу от города. Он нахмурился. Должно быть, наверху было очень ветрено. У него на глазах самолет выровнял курс и начал быстро снижаться, заходя на посадку в безлюдной местности, в нескольких милях к северу.

Куда бы ни направлялся этот самолет, по расчетам Гейба, он летал в границах пяти тысяч квадратных миль, за охрану которых теперь отвечали он и его крошечный отряд. Сделав мыс-

ленную пометку узнать, что находится в этом районе, он вновь сел на свой квадроцикл и поехал в охотничий домик. Сильвер там не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.